

За столом у Сталина

Отец постепенно осваивался с московскими порядками. После полновластья на Украине, где все принаравливалось к его распорядку дня, его привычкам, ему теперь приходилось приспосабливаться к сталинскому укладу жизни. Полуночный просмотр очередного полюбившегося Сталину старого американского ковбойского фильма, затем бдение за «обеденным» столом, возвращение домой под утро, а утром – на работу. И так изо дня в день. В те годы я впервые увидел отца не совсем трезвым. Он вернулся от Сталина не под утро, как обычно, а ранним утром, когда я собирался в школу.

«Когда я вновь перешел работать в Москву, для меня, конечно, было большой честью работать непосредственно под руководством Сталина и напрямую общаться с ним. Я сказал бы, что это было полезно и для работы. Ведь от Сталина мы набирались и немало полезного, потому что он являлся крупным политическим деятелем. Особенно получалось хорошо, когда он находился в здравом уме и трезвом состоянии. Но страдать приходилось больше, чем на Украине, где я был на отшибе. Почти каждый вечер раздавался звонок: “Приезжайте, пообедаем”. То были страшные обеды. Возвращались мы домой к утру, а мне ведь нужно на работу выходить. Я старался поспевать к десяти часам, а в обеденный перерыв пытался поспать, потому что всегда висела угроза: не поспишь, а он вызовет, и будешь потом у него дремать. Для того, кто дремал у Сталина за столом, это кончалось плохо.

Меня могут спросить: “Что же, Сталин был пьяницей?” Можно ответить, что и был, и не был. В последние годы не обходилось без того, чтобы пить, пить, пить. С другой стороны, иногда он не накачивал себя так, как своих гостей, наливал себе в небольшой бокал и даже разбавлял его водой. Но, боже упаси, чтобы кто-либо другой сделал подобное: сейчас же следовал “штраф” за уклонение, за “обман общества”. Это была шутка, но пить-то надо было всерьез...»

«...После войны у меня заболели почки, и врачи категорически запретили мне пить спиртное, – продолжает вспоминать отец. – Я Сталину сказал об этом, и он какое-то время даже брал меня под защиту. Но это длилось очень непродолжительное время. Тут Берия сыграл свою роль, сказав, что у него тоже почки больные, но он пьет, и ничего. Я лишился защитной брони (пить нельзя, больные почки): все равно пей, пока ходишь, пока живешь!»

Раз речь зашла о сталинских обедах, то не могу не упомянуть послеобеденные танцы. О них столько наговорено в последние годы. Досужие «историки» превратили их чуть ли не в причину десталинизации. Сталин-де регулярно унижал своих собутыльников, особенно Хрущева, вот и доунижался. На самом деле ничего зловеще-драматического в застольном времяпрепровождении компании давным-давно знавших друг друга, изрядно надоевших друг другу стареющих мужчин я не нахожу. Изо дня в день, вернее из ночи в ночь, месяц за месяцем, год за годом одни и те же люди собирались за одним и тем же столом, ели одни и те же блюда, вели одни и те же разговоры. Иногда им, как всем смертным, хотелось поразвлечься, попеть, потанцевать. Отец рассказывал, что заводилой часто выступал Жданов. Он, по выражению отца, «бренчал» на рояле, инструмент стоял тут же в столовой, и пел куплеты, которые – снова процитирую отца: «не то что в приличном обществе, не во всяком кабаке услышишь». Остальные сталинские гости слушали, а кое-кто и подпевал. Однажды я сам оказался невольным свидетелем подобного «концерта», правда, не у Сталина на даче в Волынском. В апреле 1956 года советская делегация во главе с Председателем Правительства Булганиным на крейсере «Орджоникидзе» направлялась с государственным визитом в Великобританию. Отец тоже входил в состав делегации. 17 апреля, в день рождения отца, накануне прихода в порт Портсмут, Николай Александрович, а он любил выпить, крепко перебрал. Мне пришлось препроводить его в каюту отсыпаться. Я тянул Булганина за руку,

а он то шел, то останавливался и в который раз начинал распевать куплеты о кунавинских мужиках. Кунавино – район Нижнего Новгорода, где Булганин родился и вырос. Куплеты нанизывались один на один складно, но не совсем литературно. Наиболее безобидный начинался словами: «Сели девки под корову, а попали под быка...»

Наверное, что-то подобное пелось и у Сталина, а напевшись, присутствовавшие начинали танцевать. Вот как вспоминает о танцах отец: «Это уже, наверное, последний год его жизни. Мы собрались у Сталина встретить Новый год на “ближней”. Чего-либо особого в тот Новый год по сравнению с другими вечерами, которые мы у него проводили, не происходило. Тот же состав людей, внутреннее настроение, конечно, повышенное, Новый год! Обедали, закусывали, пили. Сталин был в хорошем настроении, сам пил много и других принуждал. Выпили изрядное количество вина. Затем он подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали оркестровую музыку, русские песни, грузинские. Мы пели и подпевали пластинкам, которые заводил Сталин.

Потом он поставил танцевальную музыку, и все начали танцевать. У нас имелся “признанный” танцор Микоян, любые его танцы походили один на другой, что русские, что кавказские, все они брали начало с лезгинки. Потом Ворошилов подхватил танец, за ним и другие. Лично я никогда, как говорится, ног не передвигал: из меня танцор, как корова на льду. Но и я “танцевал”. Каганович, как и Маленков, – танцоры не более высокого класса, чем я. Булганин когда-то в молодости хорошо танцевал. Он вытапывал в такт что-то русское. Я бы сказал, что общее настроение было хорошим. Только Молотова не хватало. Молотов слыл городским танцором. Он воспитывался в интеллигентной семье, потом был студентом, плясал на студенческих вечеринках, к тому же он любил классическую музыку и сам играл на скрипке, вообще был музыкальным человеком. В моих глазах слабого ценителя он был танцором первого класса. Сталин тоже передвигал ногами и размахивал руками».

Как видите, никаких унижений, просто незатейливое «холостяцкое» веселье.

Спустя почти десятилетие президент Индонезии Сукарно тоже попытался приобщить отца к танцам. Обстановка тому способствовала: государственный визит в Индонезию в феврале 1960 года проходил, как говорится, без сучка и задоринки, а президент, как пишет в воспоминаниях отец, «обожал танцевать. И любил, чтобы танцевали все присутствовавшие. Так он поступал в Богоре и так же продолжал вести себя на Бали, в президентской резиденции, где останавливалась советская делегация. Я (Хрущев. – С. Х.), человек абсолютно не танцующий, даже в молодости никогда не увлекался танцами, был очень стеснительным, хотя мне нравилось смотреть, как танцуют другие. В принципе я был бы не прочь принять участие в невинных развлечениях Сукарно, но, кроме группового танца, который прежде знали в Донбассе шахтеры и мастеровые, я не умел ничего другого. Там становились в круг, брались за руки и топтались, вроде как в болгарском коло. Это умели делать все. Примерно так же однообразно, но до упаду, танцевал и Сукарно. Обычно после ужина. Сначала устраивался концерт с исполнением национальных музыкальных произведений, проходили сольные выступления. Затем все танцевали. Так прошел первый вечер, разошлись очень поздно.

На второй вечер после ужина президент снова устроил то же самое. Когда перешли к танцам, я стал прощаться, сказав, что очень устал. “Как? – изумился Сукарно. – Это невозможно, девушки обидятся, сделай мне одолжение”. Он столь же обожал танцы, как и женщин. Порою просто не владел собою. Я все же ушел, некоторые из наших остались. Тут танцором номер один стал Громыко. Утром мне рассказали, до которого часа длились танцы. К тому времени я уже выспался!»

Думаю, что в данном случае отец, как и в молодости, засмущался, никакого особого искусства, по его собственному свидетельству, танцы у Сукарно не требовали.

Я отлично понимаю отца. Как и он, я тоже стеснялся и тоже почти никогда не танцевал. Почти, потому что изредка, в своей компании, особенно на природе, друзьям удавалось меня

расшевелить, втянуть в общий круг. Можно ли назвать мои телодвижения танцем, судить не берусь, но я бегал вокруг костра и прыгал без удержу.

Отец тоже иной раз поддавался на уговоры, тому есть документальные свидетельства. Кинокамеры фиксировали на каком-то празднике в Кремле лихо отплясывающего вприсядку молодого Буденного, чуть приседающего, еще весьма резвого Ворошилова, отца, стоящего рядом и притопывающего ногой в такт танцорам. В 1963 году его показали в кинохронике, «двигавшего ногами» в такт музыке на празднике в Абхазском селении, куда они с Фиделем Кастро завернули во время поездки кубинского гостя по стране. В паре с отцом «танцевал» местный старейшина, годившийся Хрущеву в отцы. Вместе они смотрелись весьма неплохо.

Во время одной из многочисленных встреч с писателями в загородной резиденции в Семеновском отца тоже видели танцующим, точнее он ходил по кругу, похлопывая в ладоши, а рядом с ним приплясывал Ворошилов. Последний любил потанцевать. Его жена Екатерина Давидовна вспоминает об относящихся к совсем иному, дохрущевскому периоду застолий: «...когда им приходилось запросто бывать на даче под Москвой у тов. Сталина.

Вспоминалось гостеприимство Сталина, песни, танцы. Да, да, танцы. Плясали все, кто как мог. Киров и Молотов плясали русскую с платочком со своими дамами. Микоян долго шаркал ногами перед Надеждой Сергеевной (Аллилуевой. – С. Х.), вызывая ее танцевать лезгинку. Танцевал он в исключительном темпе и азарте, при этом вытягивался и как будто становился выше и еще тоньше. А Надежда Сергеевна робко и застенчиво еле успевала ускользнуть от активного наступления Микояна. Ворошилов отплясывал гопака или же, пригласив партнершу для своего коронного номера – польки, танцевал с чувством, толком, расстановкой. Жданов пел под собственный аккомпанемент на рояле.

И Сталин пел. Были у него любимые пластинки с любимыми ариями из опер и песнями. Пластинки Иосиф Виссарионович сам сменял и занимал гостей. Особенно ему нравилось смешное...

Какое это было замечательное время! Какие были простые, по-настоящему хорошие, товарищеские отношения».

И тут нет и намека на неудовольствие, я уже не говорю об «оскорблении достоинства» танцевавших, певших и пивших. От отца я тоже никогда не слышал нареканий на танцы у Сталина. Не говорил он и о каких-то сталинских вывертах, унижавших его собутыльников.

Хотя, вспоминая о некоторых обедах у Сталина, отец не оставлял без внимания эпизоды, оставившие у него горький осадок. «Просто невероятно, что Сталин порою выделял. Когда мы приезжали к нему по военным делам, то после нашего доклада он обязательно приглашал к себе в убежище. Начинаясь обед, который часто заканчивался швырянием фруктов и овощей, иногда в потолок и стены, то руками, то ложками и вилками. Я лично видел, как он бросал в людей помидоры. Меня это возмущало: "Как это вождь страны и умный человек может напиваться до такого состояния и позволять себе такое?"

Командующие фронтами, нынешние маршалы Советского Союза, почти все прошли сквозь такое испытание, видели это постыдное зрелище. Такое началось в 1943 г. и продолжалось позже, когда Сталин обрел прежнюю форму и уверовал, что мы победим. А раньше он ходил, как мокрая курица. Тогда я не помню, чтобы случались какие-то обеды с выпивкой. Он был настолько угнетен, что на него просто жалко было смотреть».

Отец рассказывал и об унижениях Молотова в период, когда последний уже впал в немилость. Когда после возлияний переходили к музыкальной части, Сталин пенял Молотову, что тот в молодости ради заработка играл на скрипке по кабакам, ублажал пьяных купцов, а те мазали ему губы горчицей и заставляли играть в столь неприглядном виде.

Но довольно о танцах.